

КНЯЗЬ ОЛЕГ ДАШКОВ – ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Зборовец И. В., доктор искусствоведения, профессор
Харьковская государственная академия культуры

Аннотация. Статья о мучительном, крестном пути русского дворянства после 1917 года в романе И. Головкиной «Побежденные».

Ключевые слова: Родина, судьба русского дворянства, бывшие аристократы, обреченность интеллигенции, религиозная идея страдания, массовый террор, смерть.

Анотация. **Зборовец І. В. Князь Олег Дашков - останній герой російської дворянської літератури ХХ століття.** Стаття про безнадійний, трагічний шлях російського дворянства після 1917 року в романі І. Головкиної «Переможені».

Ключові слова: Вітчизна, доля російського дворянства, колишні шляхетні особи, приреченість інтелігенції, релігійна ідея страждання, масовий терор, смерть.

Annotation. **Zborovets I.V. Prince Oleg Dashkov - last hero of the Russian nobiliary literature of XX century.** Article is about the hopeless, tragic way of Russian nobility after 1917 year in a novel of I. Golovcina «The won».

Keywords: Fatherland, fate of Russian nobility, former noble persons, doom of intelligency, religious idea of suffering, mass terror, death.

Постановка проблемы. Опубликованный в России в начале 90-х годов XX века роман И. Головкиной «Побежденные» произвел впечатление сенсации, крупного общественного явления. Впервые за 70 лет советской истории дали слово русским аристократам, и они вышли на трибуну художественной литературы, чтобы поведать о своих подлинных хождениях по мукам после 1917 года. Наконец-то элита русского общества с большим историческим опозданием получила возможность выступить в свою защиту, обнажить перед всем миром свою трагедию.

Многие десятилетия нам внушали, что правда – на стороне победившего народа, потеснившего дворян с исторической арены. Но в романе И. Головкиной на первый план выдвинут не классовый конфликт господ и плебеев, а нравственное противостояние русской аристократии внутреннему фашизму (сталинизму). Коммунистическая система не могла существовать рядом с князьями. Она выполняла дьявольскую программу Петра Верховенского, физически истребляя дворянскую интеллигенцию. Титулованным особам оставляли только смерть. Новые хозяева жизни беспощадно уничтожали то преимущество, которое дается богатством, знатностью, образованием, воспитанием¹.

Беззащитные перед советской государственной машиной, русские аристократы могли опереться только на свои моральные ресурсы, заложенные в них генетически и всей системой дворянского воспитания. Культура и нравственное превосходство давали им силу в неравной борьбе за жизнь во враждебной среде. В романе И. Головкиной «Побежденные» вошла в русскую литературу тема героической жизни и гибели аристократии, которая поднялась

на Голгофу, была распята коммунистическим режимом, обрела мученическую смерть, не уронив достоинства, совести и чести. При этом лучшие люди из дворян бессмысленно погибали после того, как уже добровольно отказались от своих привилегий и приняли демократические основы жизни. Исследование этой трагедии – новое слово автора романа.

Общественная ситуация возвращения дворянского героя в литературу. И.А. Ильин яснее других мыслителей видел страшные последствия физического уничтожения элиты русского общества. Он писал: «Попытка одного класса победить и подавить или, тем более, искоренить все остальные классы заранее обречена на неудачу: ничего, кроме расстройтва жизни, всеобщего обнищания, культурного разложения и бесконечной гражданской войны, из этого не выйдет»². Пророчество философа сбылось. И. Головкина опирается на русских религиозных мыслителей начала XX века, в особенности на идеи сборника «Вехи»³. Злу и насилию автор романа противопоставила религиозно-философские и мистические силы, управляющие судьбой людей, предупреждающие знаки Высшего сознания⁴.

Антидворянское и атеистическое движения обладали громадной разрушительной силой. Обескровленная русская литература не смогла взять под защиту культурную часть общества, отрёклась от изображения исторической роли дворянства, развязав руки внутреннему фашизму. Смердяковы русской революции только этого и ждали, чтобы совершить «отцеубийство» – вонзить нож в носителей дворянской культуры и украсть, присвоить их материальные и духовные ценности.

Но, по словам Н. Ивановой, разрыв шел не только с культурным наследием дворянства, но и с культурой как таковой⁵. Не случайно критик указывает на описанную в романе Ю. Домбровского «Хранитель древностей» *рощу задубенных деревьев* как грандиозный образ-символ погибающих в условиях коммунистической казармы всечеловеческой культуры и гуманистических ценностей.

Образ князя как положительно прекрасного человека остался только в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». После смерти Л. Н. Толстого уже не было писателя, который обладал бы знанием внутреннего мира аристократа. Не удержалось в литературе и военное дворянство, заявившее о себе в крамольных произведениях 20-х годов: «Вечер срывающего афиши» Н. Ляшко, «Лебединый стан» М. Цветаевой, «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Бег» М. Булгакова, «Последний из удег» А. Фадеева, «Сорок первый» И. Лавренева и др. Конец этой темы – в трагической книге И. Шмелева «Солнце мертвых».

В романе И. Головкиной «Побежденные» происходит не только возвращение ценностей дворянского мира. Это акт общественной реабилитации князя как идеала человека и героя русской литературы.

Историческая ситуация возрождения деятельности дворянских собраний, возвращение титулованным особам их родовых имений явилась началом позитивных перемен. Князь как воплощение эстетических и этических ценностей вновь оказался в центре внимания общественности.

Образ князя Льва Николаевича Мышкина в известном телесериале безусловно выразил суть времени. На первый план вышли и лучшие люди из дворян – Дашковы, Бологовские, Нелидовы в романе И. Головкиной.

Цель статьи – исследовать проблему нравственного противостояния дворянства репрессивной системе 20-30-х годов XX века.

Изложение содержания. Процесс формирования русской аристократии охватывает несколько столетий и родословные многих культурных поколений. В романе «Побежденные» Михаил Долгово-Сабуров говорит Асе: «Готовили нас к существованию гораздо более изысканному, чем та суровая борьба, в которую мы теперь брошены. В нас развивали утонченность мысли, эстетическое чувство, изящество манер, обостряли нашу впечатлительность. Сейчас эта культура тела и духа уступает место, уходит...»⁶.

В аристократе всегда чувствуется *порода*. Он отличается от других людей и антропометрическими данными, и уровнем культуры, воспитания. Шура Краснокутский объясняет Асе: «Вас выдает лицо – оно слишком благородное» (124). Сергей Петрович Бологовский добавляет: «В тебе светится вся твоя идеалистическая душа, в твоих словах, в твоих движениях и манерах есть что-то несовременное. *В тебе очевидна дворянка*. Вместо «спасибо» ты всякий раз отвечаешь «мерси» (очаровательно грацируешь), обнаруживая идеальный парижский выговор. Одним этим словом ты восстанавливаешь против себя среду» (132). Фроловский также считает, что в Асе и Лёле *породы много*: «У лучших кавалерийских лошадей щиколотку можно обхватить двумя пальцами. Ножки этих девчонок несколько не хуже» (190).

Князь Олег Дашков на первый план выдвигает в аристократе нравственные качества: «Аристократизм не только привилегия. Это понятие столь же внутреннее, сколько внешнее; благородная порода осталась – у лучшей части дворянства еще надолго сохраняются рыцарские черты и чувство чести, и это отнять у нас никто не властен!» (188). О Елизавете Муромцевой сказано: «Прирожденная культура чувствовалась во всем ее существе» (162).

Такой была элита дореволюционного общества, которая теперь подлежала уничтожению. Сильное впечатление в романе оставляет трагическая судьба семьи Дашковых. Генерал Дашков был расстрелян в Питере. Генеральшу конвоиры изнасиловали и расстреляли в собственном имени. Усадьбу разграбили и сожгли.

Горе пришло и в семью Бологовских. Гвардейского полковника Всеволода Петровича Бологовского расстреляли в Крыму. Его родные остались беззащитными перед террором большевиков. Талантливый музыкант и композитор Сергей Петрович Бологовский погибнет в ссылке.

Нелидовы оказались на грани нищеты. Зинаида Глебовна вынуждена продавать искусственные цветы. «Когда-то изящнейшая дама, дочь сенатора, жена гвардейского офицера» (40) умирает, убитая новой жизнью.

Социальным лейтмотивом романа является крик рабочего: «Аристократия... Не всех еще вас перевешали!» (124).

Привилегированное сословие потеряло все. В романе многократно обыгрывается слово «бывшие»: бывший князь, бывший офицер, бывший дворянин, а в смысле верхней одежды Ася с иронией употребляет выражение «бывший соболь». Последним прибежищем гонимой аристократии остается сфера музыкального искусства: капелла, филармония, театр. Нина Александровна, вдова кавалергарда князя Дашкова, талантливая певица, вынуждена выступать на окраинах, в рабочих клубах. Сергей Петрович Бологовский играет в «оркестре безработных».

Воспитанные при царе, дворяне продолжали любить свою родину, в то время как большевистская Россия стала для них жестокой мачехой. Разоренные, униженные аристократы, как и все люди, хотели просто жить, но даже право на существование было отнято у них драконовской системой. В этот абсурд дворяне отказывались верить. Князь Олег Дашков надеялся, что в лагере он своим потом и кровью заслужил рядовое место в однородном обществе. Однако происхождение, титул, дворянское прошлое были для него смертным приговором.

И. Головкина открыла нам путь на Голгофу высшего дворянства. Три судьбы составляют три части романа. Каждую часть «Побежденных» можно рассматривать как отдельный текст, а произведение в целом – как религиозно-философский метатекст.

В первой части романа, где завязываются основные сюжетные узлы, заметнее всего личность и судьба князя Олега Дашкова. Наследник древнего имени, русский офицер-гвардеец, он в годы Первой мировой войны защищал Родину от немцев, затем – от большевиков. Он георгиевский кавалер, командир «роты смерти». Чудом избежав расстрела в Крыму, пережив лагерь, он живет под чужим именем, на грани разоблачения, не имея будущего. Деклассированному князю в новой жизни нет места. При любом камуфляже его выдают благородное лицо, манеры, прямая осанка военного. Дашков изображен автором романа в состоянии напряженной внутренней борьбы. Естественное желание жить и радоваться жизни заглушается в нем ощущением приближающейся развязки. Он ищет спасения в ностальгических воспоминаниях о прошлом, в имени отца: «Как хороша бывала весна в березовых перелесках, и как радовал его талый снег, первые фиалки, пробивающаяся робкая трава... Куда девалось все это? Есть ли оно хоть где-нибудь?» (100). Князь Олег стремится использовать последние, быть может, дни свободы для того, чтобы послушать музыку, поехать за город в лес... «Эти пустяки значат для него очень много» (178).

Уже в начале романа Дашков в состоянии полной безнадежности делает попытку застрелиться: «Опять лагерь... Нет, довольно! Теперь, или это уже будет поздно! Нет ни Родины, ни имени, ни семьи, ни деятельности, ни славы – ничего!» (105). Трагическая развязка была отсрочена: кто-то разрядил револьвер. Но Смерть как персонаж, ведущий действие романа к катастрофе, напоминает о себе постоянно. Автор находит разнообразные художественные средства с целью усилить мотив неотвратимости конца. Иногда знаковую функцию выполняет пейзаж: «Листья кустарника были *как кровь*» (43). Приближение смерти усиливают звуки. Сильный стук в дверь – стук судьбы в Пятой симфонии. Постепенно все сильнее начинает звучать тема трагического бессилия аристократа перед новым внешним миром. Русское дворянство не могла защитить ни старая государственная система, ни культура.

Мотив реквиема звучит уже в эпиграфе романа: «Над страной моей родною встала смерть. А. Белый». Автор использует формы внутреннего монолога и несобственно-прямой речи для выявления тяжелого морально-психологического состояния интеллигента:

«Весь мир превратился в поминки... Елочка чувствовала себя так, будто стояла у дорогой могилы, где все говорят шепотом и не улыбаются, и лишь могильщики деловито переговариваются между собой и даже осмеливаются смеяться. Умерла ее Родина. Ее Россия. Умерла ее нежность. Умерли походы князя Игоря на половцев, Куликовская битва, Отечественная война, оборона Севастополя, победы на Балканах» (4). Гибель старой России Муромцева воспринимает как смерть близкого человека: «Безнадежная тоска легла ей на сердце, точно *могильный камень*» (165).

Елизавета Муромцева – стихийный идеолог дворянства, носитель грандиозной идеи спасения Родины. В ее натуре преобладают исключительные качества: жертвенность, самоотречение, высокое горение Духа. Взрывы гражданского возмущения ищут выход в страстных внутренних монологах героини: «Им надо убить Россию, поразить ее мозг, русскую мысль, русское сознание. Для этого они губят носителей этого сознания. Ваше горе – это горе России» (15). Символическое воплощение судьбы Родины Муромцева видит в гравюре из Эрмитажа: «прекрасная девушка лежит, раненная, на спине, раскинув руки, а вокруг собираются хищные птицы, чтобы терзать ее, и подпись: «*Belle France*». Такова и наша Россия, раненная в мозг и в сердце» (65).

Когда победили «красные», Муромцева уже не могла думать о счастье, видя Россию в такой беде. Высокое патриотическое чувство заставило Елочку забыть о себе и все душевные силы сосредоточить на вопросе о судьбе родины. Это самоотречение героини уникально! Она видит, что вокруг нет подобных людей: «Никто не любит Родину, нет рыцарского уважения к женщине, нет тонкости мысли, нет романтизма, ничего нет от Духа!» (69).

Однако Муромцева – всего лишь несостоявшаяся Жанна д'Арк. Ей не дано совершить подвиг. История не выбрала ее, а судьба обходит стороной.

Слепые силы зла пощадили ее. Муромцевой не пришлось выполнять функцию героини в романе. Все свои надежды она связывает с Олегом Дашковым. Муромцева романтизирует своего героя, придает ему байронические черты. Она хочет видеть князя измученным и страдающим, пламенеющим ненавистью к врагам России, тревожится, как бы любовь, семья не оторвали его от мыслей о Родине. Муромцева видит в нем героя, способного спасти дворянскую Россию. Она страдает оттого, что героизм белого движения остался непрославленным – наградой были только расстрелы и лагеря.

Олег Дашков – небытовой, идеальный герой Муромцевой. Она влюблена в его лицо, голос, осанку, «в нем было все, что могло понравиться ей в мужчине» (21). Их связывает великая идея возрождения России – духовное единство, которое выше брака, семьи, хотя Елочка и мечтает об этом. Только Муромцевой князь Дашков может доверить сокровенные мысли о дьявольской природе ЧК, о трагедии гражданской войны, о разрушении фундаментальных нравственных понятий, совести, сострадания. В его памяти всплывает горящий госпиталь с ранеными, затопленный кровью Киев, белые офицеры с выколотыми глазами и отрезанными ушами, горы трупов замученных людей в здании чрезвычайки, тела расстрелянных девушек, дам, уничтожение цвета русской интеллигенции в Крыму... Но жестокими были не только «красные», но и «белые». Дашков тоже отдавал приказ о расстреле, и это стало его самой глубокой, незаживающей душевной раной.

Князь Олег словно протягивает руку в наше время, когда говорит о грядущем освобождении от коммунистического режима: «Россия, Родина! Если бы я знал, что доживу до ее освобождения, что еще могу быть полезен! Только в этой мысли я могу почерпнуть желание жить. Бог свидетель – я совсем не думаю о своих выгодах, о том, чтобы вернуть потерянное состояние или привилегии, или титул. Я думаю теперь только о России. Нужен строй, при котором наш великий народ действительно получил бы возможность выправиться и расцвести и развить свои лучшие свойства. Погибнуть в боях, которые сметут с лица земли это подлое цека – на три четверти нерусское, – вот все, чего я хочу для себя, в этом все мое честолюбие!» (235).

Искренний, полный душевной боли монолог Дашкова потрясает Муромцеву: «Каждая жилка в ней дрожала. О, да! Он способен на подвиг. Это мой Пожарский» (235). Их встреча девять лет спустя после гражданской войны намечает сложную перспективу развития романного действия. Пути раненного белого офицера и медсестры из госпиталя вновь сошлись в роковой жизненной стихии. Но у них разные судьбы. Муромцева ошиблась. Повторить подвиг Пожарского в новых исторических условиях невозможно. Россия к этому не готова. Трагический герой Муромцевой – князь Дашков может совершить только *нравственный подвиг*.

И. Головкина опровергает навязанный советской пропагандой миф о русском аристократе, которому приписывали все отрицательные человеческие

свойства, стремились очернить, унижить, высмеять, окарикатурить. Автор создает образ князя в ином эстетическом освещении, выдвигая на первый план его благородство, гуманность и героические черты, меняет координаты добра и зла и разрушает черно-белую конструкцию героя и антигероя. Дашков – подлинный герой своего времени, концентрат лучших качеств дворянства и русского человека.

В романе «Побежденные» читателю открывается внутренний мир аристократа, его поток сознания. Например, перед началом концерта Дашков осматривает зал филармонии и новую публику: «Странно, что военные сидят! Раньше садиться не смели до начала. Как все было стройно, изящно, изысканно, и как бедно и уныло теперь. Рассеянные остатки «бывших», евреи и наспех сформированная советская интеллигенция «от станка» – вот что такое современный свет, в котором никто друга друга не знает и все чужие» (161). Князь Олег слушает Шестую симфонию, им овладевает стихия безнадежности, он уже готов взойти на эшафот. Однако неоднозначные жизненные впечатления дают ему иллюзию надежды. После разговора с Фроловским Дашков пытается успокоить себя: «Не я один в таком положении: у Валентина, как и у меня, все построено на песке и, однако же, он считает возможным радоваться жизни и надеяться! Пора встряхнуться и мне» (190).

Но автор разрушает иллюзию героя, замечая по этому поводу: «Он, наверное бы, не подумал этого, если бы слышал разговор, который вели два человека как раз в этот вечер неподалеку от его дома» (190). Случайная встреча безногого инвалида гражданской войны с врачом Злобиным перечеркнула все героические усилия Дашкова выжить «при товарищах», обмануть ОГПУ и обойти судьбу. *Прошлое* вмешивается в жизнь человека и ведет его к гибели. А если бы не было встречи с инвалидом? Принципиально это ничего не изменило бы, поскольку аристократам не суждено жить. Подтверждают бесперспективность свергнутого класса и другие сцены романа. Разговор Нины Александровны Дашковой и Сергея Петровича Бологовского о детях в иносказательной форме дает понять читателю, что у них нет будущего.

В первой части романа происходит знакомство Олега Дашкова с Асей Бологовской, которая чувствует в князе духовно близкого ей человека, сердечного и глубокого. Их связала музыка. Когда они вместе слушают по радио оперу «Князь Игорь», между ними словно натянули провод. Так рождалась их любовь! Автор наблюдает за происходящим глазами Муромцевой: «Они улыбнулись друг другу, как люди, которых соединило что-то, которые понимают друг друга без слов. Они переглянулись, когда Сливинский исполнял «Страшную минуту» (207). Трагедийность момента состоит в том, что любовь и счастье приходит к героям романа тогда, когда в их судьбах уже ничего нельзя изменить.

Во время прогулки в Екатерининском парке Ася, Лёля и Олег – будущие жертвы террора – слышат песню:

Люби меня, девочка, пока я на воле!
Пока я на воле – я твой!
Когда меня поймают,
Меня ведь расстреляют,
А тобой завладеет кореш мой!

В жизнь аристократов вторгается тюремная мелодия. Это и предупреждение, и прогноз. Нелидова спрашивает: «А что такое кореш?», не зная, что вскоре ей придется осваивать лагерную лексику.

Пифизм романа достигается автором за счет продуманной системы литературных цитат. Здесь и тема холодных северных ветров у В. Маяковского, и «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока с мотивом единения любящих после смерти, вне тела, и игра словами «живой – мертвый» в романсе А. Вертинского, и тема жениха-мертвеца и могилы как любовного ложа в балладе «Людмила» В. Жуковского, и ужас массовых расстрелов в книге И. Шмелева «Солнце мертвых». Относительно мирное течение жизни нарушает ссылка Сергея Петровича Бологовского. «Все, кто любил Родину, – в лагере. Все там будем» (32), пророчество, высказанное в начале повествования.

Князь Дашков, предчувствуя скорую развязку, понимая, что он не имеет морального права связывать свою и Асину судьбы, решает покончить с собой – повеситься в укромном месте где-нибудь в лесу за городом. Он оставляет письмо для Нины Александровны Дашковой, деньги для Мики. Однако уже на выходе из дома ему подают письмо от Аси, в котором она признается Олегу в том, что не боится «*безнадежного пути*» (254).

Ася молилась в церкви: «Господи, даждь ми Олега!» (244), а князь мысленно просил у матери спасения. И произошло чудо! Необъяснимая тайна совпадения потрясает Дашкова, которого удержала от самоубийства рука Провидения: «Задержишь это письмо на несколько минут, пролежи лишнюю секунду в ящике, и он ушел бы из дому, все было бы кончено! Это чудо, что его все-таки остановили, задержали, спасли в самую последнюю минуту. Стало быть, Всевышний оберегает и защищает его от преступного шага к самоубийству. В этом письме был призыв к жизни, оно было обещанием любви, в нем был порыв, нежность, и все та же очаровывающая его чистота – «Ваша Ася». Подпись обещала ему все те радости, по которым так тосковала душа! Все знали, что он на грани отчаяния. Но день и час угадала она, и руку помощи протянула она же! Убивать себя сейчас было бы подлостью» (254-255).

Князь Дашков, обреченный человек, возрождался к жизни и любви перед лицом стоявшей где-то рядом смерти! Тот, кого называли «бывшим», «социальным мертвецом», хотел быть любимым, обрести счастье в семье наравне со всеми людьми, пережившими революцию.

Апофеозом первой части романа является финальная сцена, в которой князь Олег и Ася Бологовская стоят на площади перед Преображенским собором среди сотен других людей, которые не помещались в церкви. «Идея бессмертия носилась в эту ночь над толпой, – пишет автор. – Перед этой величайшей идеей красный террор был бессилён» (262).

Выводы: Возвращение в русскую литературу дворянского героя как традиционного носителя идеалов, этических и моральных норм, культурных ценностей общества – закономерный процесс. Рухнул коммунистический миф о рабочем классе как о целебном источнике, к которому желательно почаще приходить с целью нравственного оздоровления коллектива. И тогда вспомнили о дворянине.

В князе Дашкове автор воплотила высокие, героические черты дворянского интеллигента – его патриотизм, бескорыстное служение родине, готовность отдать за нее жизнь, душевную красоту, близость к простому народу. И Головкиной удалось создать жизненно-правдивый трагический образ социального маргиналия, побежденного, который не вписывается в новую жизнь и остро чувствует свою обреченность. Состоится ли он как герой? Ответ на этот вопрос будет дан в третьей части романа.

В Олеге Дашкове заметны отдельные свойства молодого дворянина из романов Л. Н. Толстого: рефлексия, поиски смысла жизни в любви к женщине, стремление найти метаидею и нравственную философию, общую с народом. Однако толстовские герои Оленин, Нехлюдов, Пьер Безухов, Константин Лёвин имели перспективу и величную цель жизни. Князь Дашков оказался в ситуации борьбы за выживание, на грани гибели, в перевернутом мире, создатели которого поощряли доносы, предательство, изобрели неслыханное оружие – дьявольскую формулу «враг народа».

Героизм Дашкова проявляется не в военной акции, а в нравственном сопротивлении террористической системе. И в этой борьбе он, как и во всем, честен и справедлив, признавая мужество и белой, и красной армий, замечая факты самопожертвования с обеих сторон. В первой части романа князь Дашков выбирает любовь, а не смерть. Он поступает как герой, бросая вызов внутреннему фашизму – сталинской машине уничтожения дворянской интеллигенции.

В дальнейшем предполагается рассмотреть тематику и художественное своеобразие второй и третьей части романа И. Головкиной «Побежденные».

Литература:

- ¹ Семенова С. Мытарства идеала / С. Семенова // Новый мир. – 1988 – № 5. – С. 224.
- ² Ильин И. А. О сопротивлении злу / И.А. Ильин // Новый мир. – 1991. – № 10. – С. 203.
- ³ Вехи. Интеллигенция в России. 36. стат. 1909-1910 – М.: Мол. гвардия, 1991.
- ⁴ Ланщиков А. Религия и культура / А. Ланщиков // Москва. – 1993. – № 1. – С. 199-201.
- ⁵ Иванова Н. Мертвая роща / Н. Иванова // Юность. – 1989. – № 2 – С. 92-96.
- ⁶ Головкина (Римская-Корсакова) И. Побежденные / И. Головкина – М.: МП «Русло», 1993. – С. 130 (далее страницы указываются в тексте статьи).

Надійшла до редакції 20.03.2008